

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Цель помещаемых здесь отрывков из знаменитой работы Карла Ясперса — не заменить ее прочтением, а, наоборот, заинтересовать и привлечь: слишком много общего, непосредственно относящегося к нам и высказанного с предельной ясностью и честностью, найдет каждый читатель, знающий историю собственной страны.

*“Каждый человек отвечает
вместе с другими за то, как им правят”.*

К. Ясперс

Карл Ясперс

Вопрос виновности

Введение в цикл лекций о духовной ситуации в Германии

Давайте научимся говорить друг с другом. То есть давайте не только повторять свое мнение, а слушать, что думает другой. Давайте не только утверждать, но и связно рассуждать, прислушиваться к доводам, быть готовыми посмотреть на вещи по-новому. Давайте попробуем мысленно становиться на точку зрения другого. Больше того, давайте прямо-таки выискивать все, что противоречит нашему мнению. Уловить общее в противоречащем важнее, чем поспешно отметить исключаящие друг друга позиции, при которых уже нет смысла продолжать разговор. <...>

ВОПРОС ВИНОВНОСТИ

Почти весь мир выступает с обвинением против Германии и против немцев. Наша вина обсуждается с возмущением, с ужасом, с ненавистью, с презрением. Хотят наказания и возмездия...

Рассуждения по вопросу виновности страдают смещением понятий и точек зрения. Чтобы держаться правды, нужны разграничения. Я набросаю эти разграничения сначала схематически, чтобы затем с их помощью прояснить наше теперешнее положение. <...> На чувство как таковое положиться нельзя. Сослаться на чувство — это наивность, уклоняющаяся от объективности познаваемого и мыслимого. Только всесторонне обдумав и представив себе что-то — а чувства этот процесс постоянно сопровождают, направляют его и мешают ему, — мы приходим к истинному чувству, на которое можно положиться в жизни.

СХЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЙ

ЧЕТЫРЕ ПОНЯТИЯ ВИНОВНОСТИ

Следует различать:

1. Уголовную виновность. Преступления состоят в объективно доказуемых действиях, нарушающих

недвусмысленные законы. **Инстанцией** является суд, который с соблюдением формальностей точно устанавливает состав преступления и применяет соответствующие законы.

2. Политическую виновность. Она состоит в действиях государственных деятелей и в принадлежности к гражданам определенного государства, в силу чего я должен расплачиваться за последствия действия этого государства, под властью которого нахожусь и благодаря укладу которого существую (политическая ответственность). Каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят. **Инстанцией** является **власть и воля победителя** — как во внутренней, так и во внешней политике. Решает успех. Умерить произвол и власть могут политическая мудрость, думающая о дальнейших последствиях, и признание норм, именуемых естественным правом и международным правом.

3. Моральную виновность. За действия, которые я ведь всегда совершаю как данное отдельное лицо, я несу нравственную ответственность, причем за все свои действия, в том числе и за политические и военные действия, совершенные мной. Нельзя просто сослаться на то, что “приказ есть приказ”. Поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу (хотя в зависимости от степени опасности, принуждения и террора возможны смягчающие обстоятельства), каждое действие подлежит и моральной оценке. **Инстанцией** являются **собственная совесть**, а также общение с другом и близким, любящим человеком, которому не безразлична моя душа.

4. Метафизическую виновность. Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за престу-

пления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен. Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится на меня неизгладимой виной. Если счастливая судьба не избавляет нас от этой ситуации, мы как люди подходим к рубежу, где надо выбрать: либо бесцельно, ибо видов на успех нет, безоговорочно отдать жизнь, либо, ввиду невозможности успеха, остаться жить. То, что где-то среди людей действует обязательная потребность жить либо вместе, либо вовсе не жить, если над кем-то чинят зло или идет дележ физических средств к жизни, это как раз и составляет человеческую сущность. Но ничего этого ни в общечеловеческой, ни в общегражданской солидарности, ни даже в солидарности каких-то маленьких групп нет, это ограничивается самыми тесными человеческими связями, и вот в этом-то и состоит всеобщая наша виновность. **Инстанция** — один лишь Бог...

Неучастие в формировании уклада власти, в борьбе за власть в смысле служения праву есть главная политическая вина, являющаяся в то же самое время и виной нравственной. Политическая вина становится нравственной виной, когда властью уничтожается смысл власти — осуществление права, этическая чистота собственного народа. <...>

Она касается и тех граждан, которые выступали против режима и вменяемых ему в вину действий...

Но абсурдно обвинять в преступлении какой-либо народ в целом. Преступник всегда только одно лицо...

НЕМЕЦКИЕ ВОПРОСЫ

РАСЧЛЕНЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ВИНОВНОСТИ

1. Преступления.

2. Политическая виновность.

...Уничтожение всякой порядочной, подлинной немецкой государственности имеет причиной, должно быть, и поведение большинства немецкого населения. Народ отвечает за свою государственность...

Должны ли мы, немцы, нести ответственность за злодеяния, учиненные над нами немцами, или за злодеяния, от которых мы как бы чудом спаслись? Да — поскольку мы допустили, чтобы такой режим у нас возник. Нет — поскольку многие из нас в душе были противниками всего этого зла, и никаким поступком, никаким внутренним мотивом не обрекали себя на признание своей нравственной совинности. **Считать ответственным не значит признать нравственно виновным**...

Политический поступок совершает в современном государстве каждый по меньшей мере своим голосо-

ванием на выборах или своей неявкой на выборы. Смысл политической ответственности не позволяет уклониться от нее никому.

Политически активные люди обычно потом оправдываются, потерпев неудачу. Но в политических делах такие оправдания ничего не стоят...

В современных государствах быть вне общества нельзя...

Но перестав участвовать в политике, аполитичные теряют и право судить о конкретных политических действиях текущего дня, то есть право самим заниматься безопасной политикой...

3. Моральная виновность.

...Граница, у которой кончается и возможность морального осуждения, лежит там, где мы чувствуем, что другой и о каком нравственном самопросвещивании и не помышляет, — где в аргументации нам слышится только софистика, где собеседник вовсе, кажется, и не слушает нас. Гитлер и его сообщники, это маленькое меньшинство в несколько десятков тысяч, пребывают вне моральной виновности, до тех пор пока они ее вообще не чувствуют. Они, кажется, не способны раскаяться и измениться. Они такие, какие они есть. В отношении таких людей остается только насилие, потому что они сами живут только насилием...

а) Жизнь в маске — неизбежная для того, кто хотел выжить — влекла за собой нравственную виновность. Лживые заявления о лояльности перед грозными инстанциями вроде гестапо, такие жесты, как приветствие “хайль Гитлер”, участие в собраниях и многое другое, что влекло за собой видимость участия — за кем из нас в Германии никогда не было такой вины? Заблуждаться на этот счет может только забывчивый, потому что заблуждаться он хочет. Маскировка была одной из основных черт нашего существования. Она отягощает нашу нравственную совесть.

б) Больше волнует человека в момент ее понимания вина, вызванная **лживой совестью**. Многие молодые люди просыпаются с ужасным сознанием: моя совесть меня обманула — на что еще я могу положиться? Я думал, что жертвую собой ради благороднейшей цели, что желаю самого лучшего. Каждый, кто так проснется, проверит себя, виновен ли он был в неясности и в нежелании видеть, в сознательном замыкании, изоляции собственной жизни в “благоприятной” сфере.

Здесь надо прежде всего различать между солдатской честью и политическим смыслом. Ибо сознание солдатской чести остается защищенным от любых рассуждений о виновности. Кто был верен в товариществе, стоек в опасности, проявил мужество и деловитость, тот вправе сохранять что-то неприкосновенное в своем чувстве собственного достоинства. Это чисто солдатское и в то же время человеческое начало одинаково у всех народов. Его проявление не только не вина, но, коль скоро оно не запятнано злодеяниями

или выполнением явно злодейских приказов, некая основа, некий смысл жизни.

Но проявление солдатского начала нельзя отождествлять с делом, за которое сражались. Солдатское начало не освобождает от вины за все другое.

Безоговорочное отождествление фактического государства с немецкой нацией и армией — это вина лживой совести. Тот, кто был безупречен как солдат, мог стать жертвой фальсифицированной совести. Благодаря этому оказалось возможным творить и терпеть из-за национальных убеждений явное зло. Отсюда чистая совесть при злых делах.

Однако долг перед отечеством гораздо глубже, чем слепое повиновение тем или иным правителям. Отечество уже не отечество, если разрушается его душа. Мощь государства сама по себе — не цель, напротив, она губительна, если это государство уничтожает национальную сущность. Поэтому долг перед отечеством отнюдь не вел последовательно к повиновению Гитлеру и к убежденности, что и как гитлеровское государство Германия непременно должна победить в войне. Вот в чем заключается лживая совесть. Это непростая вина. Это в то же время и трагическое смятение, особенно большей части несведущей молодежи. Долг перед отечеством — это полная самоотдача ради высочайших требований, предъявляемых нам нашими лучшими предками, а не идолами лживой традиции.

Поразительно поэтому, как, несмотря на все зло, удавалось самоотожествление с армией и государством. Ведь эта обязательность слепого национального взгляда — понятная лишь как последняя гнилая опора теряющего веру мира — была, по совести, одновременно моральной виной.

Эта вина стала возможной и благодаря неверно понятому библейскому изречению “будь покорен имеющим власть над тобой”¹, но окончательно выродилась в удивительную покорность приказу на военный манер. “Это приказ” — для многих эти слова звучали и еще звучат патетически, выражая высший долг. Но они одновременно и освобождали от вины, равнодушно утверждая неизбежность зла и глупости. Безусловной моральной виной становилось такое поведение в раже послушания, поведении инстинктивном, считающем себя добросовестным, а на самом деле ничего общего с совестью не имеющем. <...>

Именно тогда, когда с самого начала человек действует по честному разумению и доброй воле, его разочарование, в том числе и в себе, особенно велико. Оно приводит к проверке и самой искренней веры вопросом: насколько ответствен я за свою иллюзию, за всякую иллюзию, которую я питаю.

Пробуждение, распознавание этой иллюзии необходимо. Оно делает из идеалистов-юнцов стойких,

нравственно надежных, политически трезвых немецких мужчин, которые смиренно примут свою судьбу.

в) Частичное одобрение национал-социализма, **половинчатость**, а порой **внутреннее приспособление** и примирение, было моральной виной, лишенной какого бы то ни было трагизма, свойственного предыдущим разновидностям вины.

Такая аргументация: “ведь есть в этом и хорошее”, такая готовность к мнимо справедливому признанию была у нас распространена. Правдивым могло быть только радикальное “либо-либо”. Если я признаю порочный принцип, то все скверно, и даже хорошие с виду последствия — вовсе не то, чем они кажутся. Из-за того, что эта ошибочная объективность была готова признать в национал-социализме мнимо хорошее, даже близкие прежде друзья становились друг другу чужими, с ними уже нельзя было говорить откровенно. Тот, кто еще недавно сетовал, что нет мученика, который пожертвовал бы собой, выступив за прежнюю свободу и против несправедливости — тот же человек мог восхвалять как высокую заслугу уничтожение безработицы (путем вооружения и жульнической финансовой политики), мог в 1938 году приветствовать захват Австрии как осуществление старого идеала единой империи, а в 1940-м подвергать сомнению нейтралитет Голландии и оправдывать гитлеровскую агрессию, и главное — радоваться победам.

г) Многие предавались удобному **самообману**: они, мол, потом изменят это порочное государство, партия исчезнет, самое позднее — со смертью фюрера. Сейчас надо во всем участвовать, чтобы изнутри поворачивать все к добру. Вот типичные разговоры:

С офицерами: “Мы устраним национал-социализм после войны именно на основе нашей победы: пока надо держаться вместе, привести Германию к победе; когда горит дом, тушат огонь, а не спрашивают сперва, кто вызвал пожар”. — Ответ: после победы вас распустят, вы с радостью пойдете по домам, оружие останется только у СС, и террористический режим национал-социализма перерастет в государство рабочладельческое. Никакая индивидуальная человеческая жизнь не будет возможна. Будут сооружаться пирамиды, строиться и перестраиваться дороги и города по прихоти фюрера. Будет развиваться огромный механизм вооружения для окончательного завоевания мира.

С преподавателями высшей школы: “Мы партия фронды. Мы отваживаемся на непринужденные дискуссии. Мы достигаем духовных целей. Мы все постепенно преобразуем в прежнюю немецкую духовность”. — Ответ: вы заблуждаетесь. Вам предоставляют свободу шута при условии неукоснительного послушания. Вы молчите и уступаете. Ваша борьба — видимость, для руководства желательная.

У многих интеллигентов, которые участвовали в событиях 1933 года, стремились достичь руководящего положения и по своим взглядам публично взяли

¹ Римл. 13, 1.

сторону новой власти, интеллигентов, которые позднее, будучи лично оттеснены, возмущались, но чаще продолжали одобрять режим, пока неблагоприятный исход войны не стал в 1942 году очевиден и не сделал их наконец противниками режима, — у многих из этих интеллигентов есть такое чувство, что они пострадали от нацистов и потому призваны прийти им на смену. Сами они считают себя антинацистами. Все эти годы существовала некая идеология этих интеллигентных нацистов: они, мол, в духовных вопросах были правдивы и беспристрастны, хранили традиции немецкого духа, предотвращали всяческое разрушение, делали какие-то добрые дела.

Среди них окажутся, возможно, люди, виновные из-за косности своего мышления, которое хоть и не тождественно с партийными доктринами, но в действительности, не отдавая себе в том отчета, сохраняет при видимости перемен и враждебности, внутреннюю позицию национал-социализма. Кто участвовал в расовом безумии, кто питал иллюзии относительно строительства, которое основывалось на обмане, кто мирился с уже тогда совершенными преступлениями, тот не только ответствен, но и обязан нравственно обновиться. Может ли он обновиться и каким образом, это только его дело, об этом извне трудно судить.

д) Есть разница между **активными** и **пассивными**.

Политические деятели и исполнители, руководители и пропагандисты виновны. Если они и не совершили уголовных преступлений, то все же из-за своей активности они несут подпадающую положительно-му определению вину.

Однако каждый из нас несет вину, поскольку он оставался бездействен. Вина пассивности другая. Бессилие извиняет; морального требования полезной смерти не существует. Еще Платон считал естественным в бедственные времена при отчаянном положении прятаться и выжить. Но пассивность знает свою моральную вину за каждую упущенную по небрежности возможность защитить гонимого, облегчить зло, оказать противодействие. В покорности бессилия всегда оставалась возможность пусть не безопасных, но при осторожности все-таки эффективных действий.

Боязливо упустив такую возможность, каждый в отдельности признает своей моральной виной слепоту к беде другого, душевную черствость, внутреннюю незадетость случившейся бедой.

е) Моральная виновность в формальном примыкании, роль попутчика объединяют в какой-то мере очень многих из нас. Чтобы устроить свою жизнь, не потерять своего положения, не загубить свои шансы, человек становился членом партии и соблюдал все другие формальности.

Никто не получит за это полного оправдания, тем более что было много немцев, которые действительно не совершили такого акта приспособления и взяли на себя все невыгодные последствия этого.

Надо представить себе, какова была обстановка году в 1936 или 1938-м. Партия была государством. Такое положение, казалось, закрепилось надолго. Только война могла свалить этот режим. Все державы заключали договоры с Гитлером. Все хотели мира. Немец, который не желал оказаться совсем в стороне, потерять свою профессию, повредить своему делу, должен был подчиниться, тем более человек молодой. Принадлежность к партии или к профессиональному союзу была уже не политическим актом, а скорее актом милости государства, допускающего данное лицо. “Значок” нужен был как внешний знак, без внутреннего согласия. Тому, от кого тогда требовали куда-то вступить, трудно было отказаться. Но решающее значение имеет при каких обстоятельствах и по каким мотивам человек стал членом партии. У каждого года и каждой ситуации есть свои оправдания и свои отягчающие обстоятельства, различить которые можно только в каждом индивидуальном случае.

4. Метафизическая виновность.

Нравственность тоже всегда определяется мирскими целями. Морально я могу быть обязан рисковать своей жизнью, если надо что-то осуществить. Но морально несостоятельно требовать, чтобы кто-то жертвовал жизнью, зная наверняка, что этим ничего не достигнешь. Морально требование риска, но не требование, чтобы кто-то выбрал верную смерть. Скорее нравственно в обоих случаях требование противоположного: не делать бессмысленных вещей для мирских целей, а сохранить себя для их осуществления.

Но есть в нас сознание своей виновности, у которого источник другой. Метафизическая виновность — это отсутствие абсолютной солидарности с человеком как с человеком. Она не снимает своей претензии и тогда, когда нравственно осмысленное требование уже исключается. Эта солидарность нарушена, если я присутствовал при несправедливостях и преступлениях. Недостаточно того, что я с осторожностью рисковал жизнью, чтобы предотвратить их. Если они совершились, а я при этом был и остался жив, тогда как другого убили, то есть во мне какой-то голос, благодаря которому я знаю: тот факт, что я еще жив, — моя вина.

Когда в ноябре 1938 года горели синагоги и впервые депортировали евреев, при этих преступлениях вина была, конечно, прежде всего моральная и политическая. Двойная вина лежала на тех, у кого еще была власть. Генералы при этом присутствовали. В каждом городе мог вмешаться комендант, когда совершались преступления. Ведь долг солдата защищать всех, когда преступления совершаются в таком объеме, что полиция не может предотвратить их или не справляется со своей задачей. Они бездействовали. Они предали в этот момент славные прежде нравственные традиции немецкой армии. Их это не касалось. Они отреклись от души немецкого народа ради

абсолютно автономного военного механизма, подчиняющегося приказам.

Среди нашего населения многие, правда, были возмущены, многие охвачены ужасом, предчувствуя беду. Но еще большее число людей продолжало без помех заниматься своими делами и развлекаться как ни в чем не бывало. Это моральная вина.

А те, кто в отчаянии полного бессилия не мог этому помешать — те от сознания метафизической вины сделали в своей внутренней метаморфозе еще один шаг. <...>

Политическая ответственность и коллективная виновность.

Собственное сознание коллективной виновности.

ВОЗМОЖНОСТИ ОПРАВДАНИЯ

1. Террор. 2. Вина и историческая связь.

1. Географические условия. 2. Всемирно-историческая обстановка. 3. Вина других. 4. Вина всех?

НАШЕ ОЧИЩЕНИЕ

1. Увиливание от очищения.

- а) Взаимные обвинения.
- б) Самоунижение и упрямство.
- в) Увиливание со ссылкой на обстоятельства.
- г) Увиливание со ссылкой на общую участь.

2. Путь очищения.

Перевод С. Анта (1994 г.)

11-ый всемирный конгресс по биологической психиатрии

23 – 27 июня 2013 г., Киото, Япония

www.wfsbp-congress.org

21-ый всемирный конгресс по социальной психиатрии

**БИО-ПСИХО-СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ —
БУДУЩЕЕ ПСИХИАТРИИ**

29 июня – 3 июля 2013 г., Лиссабон, Португалия

www.wasp2013.com